ФИЛОСОФИЯ

УДК 008 + 167 DOI: 10.5281/zenodo.21346483 EDN: IQXTLT

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ФОКУСЕ НАУЧНОЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ

© 2026 *В. В. Волошин*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Концепция научной объективности Э. Агацци, превосходящая по содержанию и функциональности принцип объективности, экстраполируется в область глобалистики. Определяется применимость положений данной концепции к понятию «глобализация» и его референту; формулируются ключевые методологические проблемы. Обосновывается положение: научный объект полнее раскрывает свой познавательный потенциал в реляционной программе. В качестве аргумента приводятся результаты анализа тематического триплета – «культура», «цивилизация», «глобализация». Предлагается демаркировать «сильную» онтологическую и «слабую» эпистемологическую объективность, в пространстве которой элиминация субъективных факторов затруднена.

Ключевые слова: глобалистика, глобализация, культура, цивилизация, научная объективность, принцип объективности, Э. Агацци.

Введение. Глобализация – один из индикаторов современности. Понятие «глобализация» (кавычки позволяют избежать отождествления знака и его референта) – несущая конструкция глобалистики, изучающей естественнонаучные, философские, социально-гуманитарные основания и следствия общепланетарных процессов. Данный концепт широко используется экономистами, политологами, социологами, культурологами, экологами, климатологами. Формируется соответствующий концептуальный каркас: в научный лексикон уверенно входят понятия «глобальные проблемы», «глобальный эволюционизм», «глобальный терроризм», «глобальный кризис», «глобальное потепление», «деглобализация». Дополнительным содержанием наполняются «старые» термины: «культура», «цивилизация», «демократия».

Неизбежно встает вопрос о природе глобализации, ее объективном характере. Как отмечает А. Н. Чумаков, вопрос об объективной (субъективной) сущности глобализации имеет принципиальное значение, ибо «глобалистика как никакая другая область научного знания непосредственно связана с интересами людей и принятием решений» [1, с. 49]. В том числе и на локальном уровне: будущее России определяется способностью представить адекватное исторической ситуации *максимально объективное* объяснение (а затем и прогнозирование) мировых процессов. Но что такое научный объект, объективность, объективное знание, как они соотносятся с принципом объективности? Ответы следует искать в области методологии, шире – эпистемологии, учитывая, что естествознание и социально-гуманитарные науки дают разные ответы на эти, и другие эвристические вопросы. К. Р. Поппер, отождествлявший эпистемологию и философию науки, считал, что наука характеризуется именно используемыми методами, способами обращения с научными системами – элементами «третьего мира».

Глобализации посвящены тысячи публикаций. Ограничимся обращением к ведущим отечественным ученым. Полномасштабные работы А. С. Панарина, И. А. Гобозова, И. В. Ильина, Ю. Н. Саямова, О. Г. Леоновой имеют насыщенную методологи-

ческую составляющую. Особый интерес представляют многоплановые философские труды А. Н. Чумакова. С большим отрывом «лидируют» (в плане количества) статьи, посвященные экономическим аспектам глобализации. Отметим интересные работы политологического (сфера геополитики и международных отношений), исторического плана (О. Г. Леонова, Л. Н. Клепацкий, Р. В. Евстифеев, С. Ф. Шмидт). В качестве эпистемологического базиса выбрана фундаментальная монография Эвандро Агацци [2], ориентированная на решение задач философии естествознания.

Цель статьи: определить применимость теории научной объективности к ключевому концепту глобалистики, сформулировав основные методологические проблемы.

Статья состоит из двух частей. Первая посвящена экскурсу в работу Э. Агацци, который представил оригинальную концепцию научной объективности, превосходящую по содержанию одноименный методологический принцип. Вторая представляет собой анализ рассуждений о природе и смысловых импликациях глобализации.

Важное уточнение. Глобализация есть «процесс формирования в ходе человеческой деятельности не просто взаимосвязанного, а системно-целостного мира». Причем, как отмечает И. В. Ильин, эта целостность реализуется как в системе «человек-общество», так и в системе «человек-общество-природа» [3, с. 26]. Другими словами, глобализация – это сложный подвижный комплекс. Нас интересует «глобализация» как характеристика интеграционных социально-политических и культурных процессов планетарного масштаба. Глобальные изменения экономического ландшафта, трансформации физической структуры Земли, результаты антропогенных изменений окружающей среды оставляем за скобками.

Концептуальной установкой является тезис: формулировка и решение научных аномалий и затруднений – механизм, обеспечивающий рост научного знания. Для достижения поставленной цели используются анализ, сравнение дефиниций (и интерпретаций) стержневого концепта, вариант гипотетико-дедуктивного метода как «подгонки» (и проверки) наличных объяснений под конкретную методологическую программу. Полученные результаты можно трактовать в качестве вспомогательной (детализирующей) методологической гипотезы.

Основная часть. Пропедевтические замечания: 1) объективными являются утверждения, содержание которых не зависит от убеждений, предпочтений, оценок, а также специфики познавательной ситуации (контекста); 2) научный объект и объективная реальность не тождественны.

С одной стороны, объективность есть признание «полного суверенитета» исследуемого явления, процесса, события, всего того, что именуется научным объектом. Последний, будучи независимой наблюдаемой сущностью (референтом), раскрывается нами (и для нас) с помощью знаков – понятия или множества понятий, фиксирующих свойства и отношения некоторой подобласти реальности. Сложные составные референты имеются у гипотез, моделей, теорий. Такая объективность «есть ссылка на объекты» (Э. Агацци), ее именуем «онтологической».

С другой стороны, объективное *знание* – это знание предельно отвлеченное от его носителя, знание ценностно «пустое», почти анонимное. В идеале такое знание можно обсуждать и применять независимо от того, в каком контекстуальном и/или пространственно-временном сегменте оно функционирует. «Быть объективным – значит стремиться к знанию, которое не несет в себе следы познающего, – знанию, не отмеченному предрассудком или умением, фантазией или суждением, желанием или стремлением. Объективность – это слепое зрение, видение без умозаключения, интерпретации или рассуждения» [4, с. 54]. Назовем такую объективность «эпистемологической». Она на-

ходит отражение в известном методологическом принципе, представляющем собой набор требований. (1) Предполагается элиминация субъективных элементов познавательного процесса. (2) Рекомендуется следовать конвенциональным исследовательским стандартам. (3) Должна быть возможность проведения гносеологического независимого аудита. (4) Объективность – это общезначимость и простота, следовательно, открытость для опровержений. Эпистемологическая интерсубъективность, о ней идет речь в (2–4), есть взаимодействие и обобщенный опыт, она «является необходимым условием построения объективного знания» [2, с. 124]. (5) Объекты должны отражаться в гипотезе (модели, теории) нейтрально, независимо от интересов и предпочтений социальных и бизнес групп, политической конъюнктуры, господствующих идеологем.

Ключевой тезис Э. Агацци: наука постигает не всю реальность, а только ее порции, образуемые некой совокупностью положений дел. Каждая наука «рассматривает реальность с некоторой специфической «точки зрения», с которой связываются некоторые операциональные критерии референциальности, имеющие целью обеспечить эмпирическую проверку того, что говорится о реальности с этой точки зрения» [2, с. 490].

Синтез эмпирического (операционального) и теоретического уровней познания влечет эпистемологический баланс лингвистических и внелингвистических сущностей – референтов (денотатов) научных понятий. Референты – это онтологически самодостаточные положения дел. Реальность может быть понята как совокупность референтов всех существующих и возможных истинных высказываний. Агацци сторонник прагматической и операциональной природы референции. Он признает относительность научного знания, но в смысле отнесенности к специфическим объектам, а не к социально обусловленным когнитивным установкам. Реальность не конструируется, а познается с помощью специального инструментария. Способность объяснять реальность Агацци именует «герменевтическим измерением» науки. Наука автономна, она «социально ангажирована», но не «социально зависима» [2, с. 610].

Объективным является то, что относится к внелингвистическим сущностям как таковым. Любой сегмент внементальной реальности, в том числе социальной, открыт для объектификации, он способен стать научным объектом. Такими объектами могут быть абстракции и идеализации. Внешний мир – это мир референтов, состоящий не только из материальных единиц. «Отличным от мира интенсиональных абстрактных объектов внешний мир делает то, что абстрактные объекты просто кодируют свойства, в то время как объекты внешнего мира их экземплифицируют» [2, с. 246].

Адекватность универсума рассуждений той или иной науки обусловлена критериями референциальности. Они обеспечивают эмпирическую проверку теоретических знаний. Но проверка осуществляется субъектом, который всегда находится в фиксированном смысловом пространстве, имеющем исторически детерминированную форму (гештальт). Объект *мыслится* конвенционально и интерсубъективно, трансформируясь в «интеллектуально построенную структуру». «Научные объекты «вырезаются» из вещей операциональными предикатами, определяемыми на основе операциональных процедур. Каждая операциональная процедура задается (или, лучше сказать, характеризуется) определенным порядком аппроксимации, или маржей ошибки» [2, с. 582]. Объект содержит те аспекты «вещи», которые можно охарактеризовать базовыми атрибутами (предикатами) определенной науки. Например, базовыми предикатами механики являются длина (измеряется линейкой), длительность (измеряется хронометром), масса (измеряется весами) и т. д. Все предикаты объекта связаны математическими и/или логическими отношениями, которые не извлекаются непосредственно ни из какого инструмента, но к которым приводит интеллектуальная деятельность

исследователя [2, с. 149–150]. Если операции определяют онтологический статус объекта, то логика и математика «цементируют» его гносеологическую структуру.

Эпистемологически научные объекты являются абстрактными, поскольку они репрезентируют, будучи объединенными в когерентный массив знаний, множество сепарированных атрибутов и, что важно, отношений. Но абстракции – это производные независимых референтов, достижимых с помощью операций, «каждое абстрактное понятие обозначается некоторым сложным предикатным термином. Однако такие термины имеют и конкретные референты» [2, с. 163]. Научные объекты, с одной стороны, есть теоретические сущности (ноэмы), кодирующие некоторое количество атрибутов. С другой, референты – части внементальной реальности, экземплифицирующие созданную субъектом абстракцию. Нечто становится объектом, когда оно выступает референтом той или иной науки. Научные объяснения, гипотезы, модели, теории – составные абстрактные объекты, ориентированные на соотнесение с конкретным миром. Они шифруют свойства и связи элементов некоторого сегмента универсума.

Итак, «вопрос о реальности научных объектов распадается на два подвопроса: реальны ли они просто как абстрактные объекты (как ноэмы) или же они также реальные как референты?» [2, с. 401]. На онтологическом уровне объект есть «экземпляр», ментально «вырезаемый» из мира с помощью апробированных способов. Это то, что существует независимо от субъекта и может быть им познано. На эпистемологическом уровне научный объект есть когерентное множество абстракций, репрезентирующих выделенную область реальности. Объективными являются те ее черты, которые доступны, общезначимы и инвариантны для разных субъектов. Эти черты должны быть воспроизводимы и верифицируемы. Объективное знание – итог интерсубъективной познавательной деятельности. Принцип объективности организует и направляет ее. Другими словами, методологический принцип и результат его работы не тождественны. Как не эквивалентны сильная референциальная объектность и эпистемологическая объективность, именуемая Э. Агацци «слабой». «Когда мы имеем дело с разными объектами, то, что было объективным с одной точки зрения, вполне может не быть объективным с другой точки зрения (т. е. может не быть свойством объектов другой науки или другой ветви той же самой науки)» [2, с. 167].

Необходимо учесть, что Э. Агацци представитель «консервативного» логико-методологического, ориентированного на естествознание и математику, направления в современной философии науки. Наука, с его точки зрения, это строгое и объективное знание, применимое «по аналогии» ко многим областям исследования, отличным от естественных наук [2, с. 626].

Некоторые затруднения возникают на уровне фиксации объекта глобалистики. Таковым «является *глобальный мир в целом* в единстве трех его сфер: геологической, биологической, социальной, и протекающие в этих сферах *глобальные процессы*, а также *социальные структуры, связи* и *отношения планетарного масштаба*» [5, с. 22]. Объект не имеет четких границ, его референтом является весь мир. Перестает ли объект быть научным? Нет. У космологии, например, еще более грандиозный объект – наблюдаемая Вселенная. Объект науки не является «вещью» в повседневном смысле, всё «независимо существующее обладает возможностью образовать не только новую разновидность объектов, но и неограниченное количество разновидностей, поскольку количество объектов всегда можно увеличить, приняв новые точки зрения на рассматриваемую «вещь» [2, с. 130–131]. Глобалистика – междисциплинарная сфера знаний. Биолог, политолог, экономист «вырезают» из мира *свои* предикаты, определяемыми на основе *своих* процедур, формируя *свои* эпистемологические объекты.

Содержание понятия «глобализация» варьируется, хотя внутри каждой из наук конвенциональное единство присутствует. «Разновидности» и есть те самые «порции реальности». Не вдаваясь в семантические нюансы дуплета «объект» и «предмет», отметим, что глобалистика подтверждает два тезиса: 1) один объект может быть предметом нескольких дисциплин, 2) однозначная демаркация объекта и предмета проблематична. Предмет есть выделенная субъектом, *условно* автономная, ограниченная целями познания сторона (часть) объекта, своего рода объект в объекте. Дескрипции этих частей могут включать как конкретные понятия («литосферная плита», «мировой океан», «ООН»), так и абстрактные («унификация», «протекционизм», «вестернизация»).

«Глобализация в самом общем виде может пониматься как распространение по планете потоков, процессов, явлений и характеристик, обретающих *значимость* (выделено мной – В. В.) для всего мира человека, общества и биосферы» [6, с. 40]. Наличие таких потоков и процессов очевидно. Глобализация – онтологически независимое положение дел. Другое дело, субъективное определение значимости, приемлемости, важности, иерархии причин и/или следствий и т. д.

«Глобализацию можно определить как объективно-исторический процесс формирования планетарных структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни. Глобализация выступает также и как явление, и как феномен, когда она воспринимается в качестве объективной реальности, которая заявляет о себе территориальной замкнутостью глобального пространства, единым мировым хозяйством, всеобщей экологической взаимозависимостью, глобальными коммуникациями, разрушением информационных границ и т. п. и в таком качестве никем не может быть проигнорирована» [5, с. 27]. У данного почти безупречного контекстуального определения есть два слабых места. Первое: «выступает» перед кем, «воспринимается» кем? Ответ очевиден: субъектом. Нерелевантным принципу объективности является деонтический оператор «никем не может быть». То есть из дескрипции следует долженствование: «запрещено игнорировать», что является нарушением принципа Юма.

При объективно-историческом истолковании природы глобализации, отмечает А. Н. Чумаков, проблемы «сопряженные с ней, будут решаться с учетом обстоятельств, которые задаются естественным ходом исторического развития, и уже на этой основе будут рассматриваться цели, интересы, поступки и деятельность людей, организаций, государств, то есть всего того, что принято называть субъективным фактором». Когда же глобализация объявляется субъективным процессом, необходимо определить, кто ее инициирует. «Далее логика уже сама поведет к изобличению коварных замыслов, раскрытию истинных целей тех, кто задумал ее и управляет ходом ее развития, не говоря уже о том, что всем становится ясно, в чьих интересах осуществляется глобализация» [1, с. 49–50]. Если глобализация искусственный проект, чей-то замысел, его необходимо либо поддерживать, либо отвергать и бороться «с причиной, то есть с субъектом, инициировавшим глобализацию» [5, с. 26].

Приведем примеры отказа от признания онтологической объективности и частичного игнорирования принципа объективности. Паразитирующая глобализация, с точки зрения А. С. Панарина, является результатом «открытий и самораскрытий привилегированных групп общества» – «интернационала глобализма». Глобализация является игрой «с нулевой суммой, как новая привилегия элитарного меньшинства», купленная ценой демодернизации и примитивизации – отката в варварство. Так называемая «объективность» глобализации скрывает субъективные интересы тех, кто пытается «приватизировать» прогресс, превратив его в привилегию. Глобализация не является «теорией заговора», она сводится к сценариям, которые навязываются миру [7, с. 26–27]. Гло-

бализация – путь к тотальной приватизации, элиминирующей национальную идею и социальную ответственность капитала. Она «ведет к нарушению сложившегося национального консенсуса между элитами и народными массами и представляет вызов единому гражданскому обществу классического типа» [7, с. 307].

С точки зрения И. А. Гобозова, глобализация – процесс субъективный. Он сопровождается заменой биполярного мира миром однополярным во главе с США. Глобализация началась после умышленного развала Советского Союза. «Для этого не было никаких объективных причин. Не было и субъективных причин, которые могли привести к распаду СССР» [8, с. 68–69]. Видимо, имеется в виду отсутствие внутренних «советских» субъективных причин, иначе как объяснить уход великой державы с исторической сцены? Российский ученый апеллирует к З. Бауману, который констатирует: «Концепция «глобализация» *была создана* (выделено мой – В. В.) для того, чтобы заменить прежнюю концепцию «универсализации», когда стало ясно, что установление глобальных связей и сетей не имеет ничего общего с преднамеренностью и контролируемостью, подразумевающимися ею. Понятие глобализации описывает процессы, представляющиеся самопроизвольными, стихийными и беспорядочными, процессы, происходящие помимо людей, сидящих за пультом управления…» [9, с. 43]. Отметим, что беспорядочные процессы могут иметь и объективную природу (пример – энтропия), более того, самопроизвольность и неконтролируемость глобализации не подкрепляют, а скорее опровергают тезис о ее субъективной природе.

Следствием глобализации, продолжает И. А. Гобозов, являются деинтеллектуализация общества и деантропологизация человека. Она приводит к резкой социальной поляризации, политической апатии и конформизму, разрушает национальные ценности, порождает религиозные и этнические конфликты, создает основу для международного терроризма. Глобализация есть победа индивидуализма над коллективизмом, путь «к примитивизму, стандартизации и шоу» [10, с. 18]. Альтернативная же интернационализация, в отличие от глобализации, является объективной, ибо исходит из единства и многообразия исторического процесса [8, с. 69]. «Интернационализация» – понятие с туманным содержанием. Не ясно, в каком логическом отношении (пересечение, соподчинение, противоположность, противоречие) оно находится с «глобализацией». Если же это несравнимые понятия – альтернативность исключена. Размышляя о практической стороне деглобализации, И. А. Гобозов подчеркивает диалектическое единство доминирующего объективного (имманентной логики развития общества) и «арьергардного» субъективного (деятельности людей). «Исторический процесс объективен, но не фатален. Поэтому вполне возможна деглобализация. Для этого требуется лишь политическая воля правящих классов Запада» [10, с. 24].

Глобализацию характеризуют как эволюционный (коэволюционный) процесс [3, с. 10–11], [11, с. 11], [12, с. 51]. Одновременно следуют обращения к эволюционному подходу: «с точки зрения которого…», «с позиций применения которого…» и т. д. Но «эволюция» и «эволюционный подход» – понятия из разных номенклатур. У них отличные референты, у первого – естественные изменения положений дел, у второго – результаты ментальной работы в форме суммы методологических установок. Рассуждения об эволюции, сопровождающиеся апелляциями к одноименному подходу, – разновидность циркулярной аргументации. Нельзя не заметить, что понятие «глобализация» может использоваться в разных значениях, рассуждения о ней, увы, нередко двигаются по кругу. Глобальное развитие обосновывается процессами глобализации, решение глобальных проблем рассматривается сквозь призму глобальной экономики, которая есть проявление

глобальной политики (и наоборот), «планетарное сознание» признается особенностью глобализации и т. д. Согласимся с О. Г. Леоновой: «Как ни парадоксально, но слово «глобализация» стало жертвой собственного успеха» [11, с. 5].

Эволюционный подход подразумевает нелинейность, волнообразность, наличие фазовых переходов. Трактовки «катастрофических» событий (экономический кризис 2008 г., пандемия COVID-19, похищение Н. Мадуро), волн, скачков, «черных лебедей» (о многих из них через 5–10 лет никто и не вспомнит) порождают *модели* глобализации. В этом контексте, объективное диалектически взаимодействует с субъективным. Модель устройства глобального мира есть абстрактный объект – результат ментальной обработки информации о независимом референте, который нельзя контролировать «по причине несоразмерности масштабов глобализации и управленческих возможностей человека» [13, с. 431]. Но, согласимся с «субъективистами»: на процессы глобализации можно успешно воздействовать и использовать в своих интересах, навязывая человечеству те или иные модели.

Практика мировой политики демонстрирует наличие нескольких проектов глобализации: американской (пожалуй, в нескольких вариантах), китайской, возможно, индийской. И «каждая глобальная держава готова предложить, и пытается продвигать свой вариант глобализации» [11, с. 13]. Извиняюсь за метафоричность и тавтологию, но давайте будем объективными, «референт-виновник» негативной, пусть и объективной, глобализации найден давно. Имена у него разные – «глобалисты», «неолибералы», «сторонники однополярности», США, ЕЭС. Уместными являются такие рассуждения: «За закат западной глобализации несут ответственность не только объективно обусловленные глобальные процессы, но и действия самого Запада. Будучи субъективно заряженными в собственных интересах и направленными на достижение желаемого результата, нередко любой ценой, они все больше оборачиваются фатальными просчетами и ошибками вследствие растущего неприятия западного доминирования незападным миром» [6, с. 47]. У любого социально-политического процесса всегда есть соблазн (и возможность) обнаружить конкретного носителя, «злого» актора. Соблазн усиливается, если процесс имеет негативные следствия. Например, вестернизация – один из токсичных спутников глобализации – объективна или субъективна?

Обнаружение «даты рождения» глобализации (Великие географические открытия, Вестфальский мир, Венский конгресс, распад СССР) – тоже своего рода моделирование. Исходя из того, что глобализация – процесс, ослабляющий межгосударственную систему и влияние суверенных государств, а деглобализация – восстанавливающий такую систему, С. Ф. Шмидт выделяет в мировой истории минимум три макроэпизода, в каждом из которых реализовывался полный цикл волнообразного движения «глобализация – деглобализация». Это период 1500–1810-х гг., период 1820–1980-х гг., современный период, включающий в себя интенсивную глобализацию 1990–2000-е гг. и стремительную деглобализацию нашего времени, отсчитывать начало которой можно с 2008 г., а пики интенсивности фиксировать в 2014, 2016 и 2022 гг. [14, с. 94].

Переходим к заключительному сюжету. И в качестве предисловия, применимого «по аналогии», приведем точку зрения еще одного итальянского мыслителя Карло Ровелли. Размышляя над спецификой объектов квантовой механики, он подчеркивает, что единый взгляд на мир невозможен, ибо мир всегда дробится на части, взаимодействия и вероятности. «Свойства «живут» не в объектах – это точки между объектами. Объекты таковы лишь в определенном контексте, то есть только по отношению к другим объектам, – это опоры, к которым крепятся мосты. Мир – это игра перспектив, подобная игре отражений, которые существуют только друг в друге» [15, с. 76].

Ни один научный объект не существует сам по себе, ни онтологически, ни эпистемологически. У всех терминов есть «соседи», понятийное окружение. С точки зрения А. Н. Чумакова термин «глобализация» проблематично определять и анализировать вне таких понятий как «культура» и цивилизация». Эти три понятия фиксируют одновременно и состояния, и процессы, позволяют увидеть мировое сообщество «объемно». Данные категории, «взятые вместе и рассматриваемые по принципу дополнительности, характеризуют человечество с точки зрения его содержания, формы и динамики развития». За динамику ответственна «глобализация», областью ее приложения являются скорость и направленность движения [13, с. 17–19, 65].

«Культура», «цивилизация», «глобализация» – фундаментальный тематический триплет (по терминологии Дж. Холтона), обладающий вариативным экстенсионалом и нестабильным интенсионалом. По степени охвата он относится ко всему человечеству, отражая различные характеристики развивающегося в планетарном масштабе объекта. «Глобализация вне культуры и цивилизации невозможна, ибо именно по этим параметрам, прежде всего, и осуществляется формирование единого мирового сообщества. Все это в итоге являет собою глобальную метасистему, а другими словами, фрактал, который может быть представлен в виде пирамидальной схемы или конуса, полностью пронизанного *культурой*, с середины до верха охваченного *цивилизацией*, и лишь на самом верху – *глобализацией»* [13, с. 448–449].

С помощью аналитических таблиц А. Н. Чумаков описывает тематический триплет [13, с. 450–454]. Культура есть коллективное сознание, форма духовного освоения мира и человека. Она опирается на мораль, исходит из чувств и эмоций, руководствуется эвристикой и наитием, имеет гуманистическую направленность; основной субъект действия – творческий индивид. Культура консервативна, проявляется преимущественно на локальном уровне, имеет «рекомендательный» характер и ярко выраженную связь с прошлым, стремится к многообразию в единстве, в общественном сознании воспринимается позитивно. Культурные процессы протекают эволюционно. Цивилизация рациональна и функциональна, она – результат технического прогресса и характеризует историческую форму организации общества, уровень его развития. Цивилизация опирается на закон, исходит из воли, руководствуется расчетом, проявляется как на региональном, так и на глобальном уровне, связь с прошлым хорошо просматривается. Имеет «навязывающий» характер, стремится к единству в многообразии, воспринимается нейтрально. Основной субъект действия – государство. Цивилизационные процессы протекают динамично. Глобализация инструментальна и рациональна, ее стихия – экспансия, напор, исключительность, единообразие. Опирается на общечеловеческие ценности и международное право, руководствуется выгодой, ориентирована на господство, проявляется, разумеется, на планетарном уровне, связь с прошлым слабо выражена, имеет статус императива, направлена на аксиологическую унификацию, воспринимается негативно. Основной субъект действия – человечество. Глобализационные процессы протекают революционно.

Сходство культуры, цивилизации и глобализации состоит в том, что они являются имманентными характеристиками *социума* – локального и/или глобального; относятся как к различным общностям, так и к человечеству в целом. Они, преследуя отличные цели, заняты преобразованием природной и социальной среды. Проявляют себя, пусть и по-разному, в общем пространстве экономических, социально-политических, духовных отношений. «Глобализация, проистекающая из экстенсивного расширения всех сфер человеческой деятельности, знаменует собою формирование предельной целостности человечества». Культура и цивилизация, втягивающиеся в орбиту глобализации,

сохраняют относительную автономию. Первая – в большей степени, вторая – в меньшей, ибо в «условиях глобализации выступает исключительно в интернациональных одеждах и стремится к всеохватности в мировом масштабе» [13, с. 454–455].

Сформулируем результирующий, почти риторический вопрос. Какие атрибуты (характеристики) объектов, составляющих тематический триплет, *не являются* ментальными, обладая референциальной объектностью и операциональной доступностью?

Заключение. У понятия «глобализация» имеется наблюдаемый и независимый от субъекта референт; с объектностью как таковой проблем нет (важно не отождествлять онтологическую объективность с эпистемологической). Но есть другие затруднения. Является ли в нашем случае онтологическая объективность сильной? Исследователю необходимо двигаться от реализма относительно теорий к реализму относительно объектов, от ноэм к референтам, или наоборот? Возможен ли синтез неэквивалентных моделей, по-разному объясняющих один и тот же объект – глобализацию? Представляя дефиниции глобализации, какой объект мы определяем – лингвистический (понятие) или внелингвистический (денотат)? Ответы не очевидны, ибо вопросы делиберативные.

С помощью понятия «глобализация» фиксируется сумма многоярусных процессов системно-целостного мира. В общезначимой дефиниции глобализации, пожалуй, нет необходимости. Вспомним Л. Витгенштейна: «Если понятие объясняет все, значит, оно не объясняет ничего». Уместно вести речь о слабом варианте «слабой» эпистемологической объективности. Исторические факты и социально-культурные контексты, в ткань которых диалектически вписана глобализация, оказывают влияние на жизнь конкретных сообществ и государств, подталкивая их к тому или иному экзистенциальному выбору. Предпочтения неустранимы, оценки и «социальная зависимость» знаний неизбежны, анонимность маловероятна, пространственно-временная стабильность суждений усложнена, полная нейтральность недостижима, либо только декларируема. Формирование единого финансово-экономического, информационного и политического пространства объективно имплицирует отказ от «слепого зрения», ибо в этом пространстве есть лидеры и аутсайдеры, победители и проигравшие.

Отсутствует апробированный и признанный научным сообществом единый инструментарий познания квазиобъекта – глобализации. Научные объекты «вырезаются» из аморфных вещей и сущностей предикатами, открытыми для операций. Но предикатов глобализации, претендующих на статус базовых, неоправданно много, они представлены в основном качественными (не исчисляемыми) понятиями (исключение – экономический сегмент). Следовательно, математические отношения между предикатами отсутствуют. Логические отношения непрозрачны, вплоть до уместности апелляций к тезису Куна-Фейерабенда. В нашем случае ноэм больше, чем «экземпляров», отношения и свойства, которых они кодируют; абстракции – далеко не всегда производные референтов. В рассуждениях о глобализации произвольные лингвистические конструкты нередко принимаются (и навязываются) в качестве внелингвистических объектов. Одна из причин данной аномалии – сложность и вариативность эмпирических проверок. Контраргумент: увеличение в теориях числа абстрактных (в том числе идеализированных, гипотетических) объектов – одна из закономерностей эволюции науки, признанный гарант роста научного знания.

Многоместное понятие «совокупность положений дел, трактуемых в качестве глобальных» является нерегистрируемым. «Герменевтическое измерение» глобалистики не поддается демаркации и четкой семантической дешифровке. Предикат «глобальный» можно при желании приписать множеству научных объектов, представляющих различные сегменты реальности. Синтез эмпирического и теоретического уровней

познания глобальных процессов затруднен наличием витальной и аксиологической нагруженности, сложностями с воспроизводимостью и верификацией. С другой стороны, все это не предполагает отказа от общезначимости и простоты формулировок, интерсубъективности, нормативности, следования стандартам. «Теории заговора» и поиски носителей вселенского зла препятствуют научной объективности, как и антинаучные субъективные оценки якобы субъективных процессов.

«Чистых» научных объектов (как ноэм, так и референтов) не существует; их объяснение в реляционной программе видится релевантным. Эпистемологически перспективными являются апелляции к понятиям-спутникам (например, «культура» и «цивилизация»), сравнительный анализ интенсионалов/экстенсионалов терминов-родственников и отношений между ними.

Независимые от субъекта факторы, а именно, аберрация близости, уплотнение исторического времени, стремительная трансформация социально-политического пространства препятствуют объективному объяснению глобализации. Эмпирические данные (и способы их получения) в естествознании не столь вариативны, как концепты и конструкты, образующие модели и теории в глобалистике. Наблюдение и эксперимент консервативны, теоретизирование менее стандартизировано, здесь больше условий для интуитивных прозрений, нетрадиционных решений, экстраординарных выводов. Предикаты существуют по отношению к *чему-то*, в том числе к субъекту. Взаимодействия в природе есть обмен энергией. Интерсубъективность – это не только коммуникация агентов познания, но и обмен смыслами между элементами «третьего мира». В социально-гуманитарных науках объективность есть уважение к истине на фоне равноправия *обоснованных* концепций и *работающих* моделей, носители которых неизбежно в чем-то заблуждаются. Эпистемологическая объективность не абсолютна, она субъективно обусловлена. Но к минимизации этой зависимости стоит стремиться как к идеалу.

Таким образом, экстраполяция концепции Э. Агацци в глобалистику имеет *объективные* ограничения. С другой стороны, применяемая «по аналогии» естественнонаучная «оптика» усложняет методологический ландшафт социально-гуманитарных дисциплин. Она позволяет обнаружить новые «спектры» глобализации, в том числе и в системе «человек-общество-природа», системе, которая осталась за рамками статьи.

Работа выполнена в рамках инициативной НИР «Экзистенциальный выбор Донбасса и будущее России: социокультурное измерение», № госрегистрации 124101500444-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чумаков А. Н. О глобализации с объективной точки зрения // Век глобализации. – 2014. – № 2. – С. 39–51.
2. Агацци Э. Научная объективность и ее контексты / Пер. с англ. Лахути Д. Г.; под редакцией и с предисловием Лекторского В. А. – М.: Прогресс-Традиция, 2017. – 688 с.
3. Ильин И. В. Глобалистика в контексте политических процессов: автореф. дис. на соискание ученой степени доктора политических наук. Специальность 23.00.04. «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития». – М., 2011. – 48 с.
4. Дастон Л., Галисон П. Объективность / Пер. с англ. Т. Вархотова, С. Гавриленко, А. Писарева. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 584 с.
5. Чумаков А. Н. Глобализация или деглобализация? // Век глобализации. – 2023. – № 3. – С. 19–34. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.02
6. Саямов Ю. Н. Глобализация и деглобализация: две стороны одной медали // Век глобализации. – 2025. – № 1. – С. 39–49. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.03
7. Панарин А. С. Искушение глобализмом. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 416 с.
8. Гобозов И. А. Неолиберализм и глобализация // Век глобализации. – 2017. – № 2. – С. 66–76.

9. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
10. Гобозов И. А. Глобализация и терроризм // Философские науки. – 2015. – № 12. – С. 11–26.
11. Леонова О. Г. Деглобализация versus глобализация // Век глобализации. – 2024. – № 2. – С. 3–19. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.01
12. Комолов О. О. Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 4 (58). – С. 50–63.
13. Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Проспект, 2016. – 496 с.
14. Шмидт С. Ф. Глобализация и деглобализация: исторические циклы и современность // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2025. – Т. 51. – С. 89–104.
15. Ровелли К. Гельголанд. Красивая и странная квантовая физика / Пер. с итал. А. К. Дамбис. – М.: Эксмо, 2024. – 176 с.

REFERENCES

1. Chumakov A. N. O globalizacii s obiektivnoj tochki zreniya [On Globalization from Objective Point of View] // The Age of Globalization. – 2014. – no. 2. – pp. 39–51. (in Russian).
2. Agazzi E. Nauchnaya obiektivnost i ee konteksty [Scientific Objectivity and its Contexts] / translated from English by Lahuti D. G.; edited and prefaced by Lektorsky V. A. – M.: Progress-Tradition, 2017. – 688 p. (in Russian).
3. Ilyin I. V. Globalistika v kontekste politicheskih processov [Global Studies in the Context of Political Processes]: The author's abstract for a degree of Doctor of Political Science. Speciality 23.00.04. "Political Problems of International Relationships, Global and Regional Development". – M., 2011. – 48 p. (in Russian).
4. Daston L., Galison P. Obiektivnost [Objectivity] / translated from English by T. Varhotova, S. Gavrilenko, A. Pisareva. – M.: New Literary Review, 2018. – 584 p. (in Russian).
5. Chumakov A. N. Globalizaciya ili deglobalizaciya? [Globalization or Deglobalization?] // The Age of Globalization. – 2023. – no. 3. – pp. 19–34. DOI: 10.30884/vglob/2023.03.02 (in Russian).
6. Sayamov Y. N. Globalizaciya i deglobalizaciya: dve storony odnoj medali [Globalization and Deglobalization: Two Sides of the Same Coin] // The Age of Globalization. – 2025. – no. 1. – pp. 39–49. DOI: 10.30884/vglob/2025.01.03 (in Russian).
7. Panarin A. S. Iskushenie globalizmom [Temptation of Globalism]. – M.: Eksmo Publishing House, 2003. – 416 p. (in Russian).
8. Gobozov I. A. Neoliberalizm i globalizaciya [Neoliberalism and Globalization] // The Age of Globalization. – 2017. – no. 2. – pp. 66–76. (in Russian).
9. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [The Individualized Society] / translated from English, edited by V. L. Inozemcev. – M.: Logos, 2002. – 390 p. (in Russian).
10. Gobozov I. A. Globalizaciya i terrorizm [Globalization and Terrorism] // Philosophical Sciences. – 2015. – no. 12. – pp. 11–26. (in Russian).
11. Leonova O. G. Deglobalizaciya versus globalizaciya [Deglobalization versus Globalization] // The Age of Globalization. – 2024. – № 2. – pp. 3–19. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.01 (in Russian).
12. Komolov O. O. Deglobalizaciya v kontekste mirovoj ekonomicheskoj stagnacii [Deglobalization in the Context of Global Economic Stagnation] // Economic Renaissance of Russia. – 2018. – no. 4 (58). – pp. 50–63. (in Russian).
13. Chumakov A. N. Metafizika globalizacii. Kulturno-civilizacionnyj kontekst [Metaphysics of Globalization. Cultural and Civilizational Context]: the monograph. – 2nd edition, corrected and supplemented. – M.: Prospect, 2016. – 496 p. (in Russian).
14. Shmidt S. F. Globalizaciya i deglobalizaciya: istoricheskie cikly i sovremennost [Globalization and Deglobalization: Historical Cycles and Modern Times] // Izvestia of Irkutsk State University. Series Politology. Religious Studies. – 2025. – vol. 51. – pp. 89–104. (in Russian).
15. Rovelli K. Gelgoland. Krasivaya i strannaya kvantovaya fizika [Helgoland: The Strange and Beautiful Story of Quantum Physics] / translated from Italian by A. K. Dambis. – M.: Eksmo, 2024. – 176 p. (in Russian)

GLOBALIZATION IN THE FOCUS OF SCIENTIFIC OBJECTIVITY

V. V. Voloshin

Evandro Agazzi's conception of scientific objectivity, that surpasses the principle of objectivity in content and functionality, is extrapolated to the field of globalistics. The applicability of this notion's tenets to the concept of "globalization" and its referent is determined. Key methodological issues are formulated. There is corroborated the point that a scientific object more fully reveals its cognitive potential within a relational framework. The results of an analysis of the thematic triplet of "culture", "civilization" and "globalization" are presented as evidence. It is proposed to demarcate "strong" ontological and "weak" epistemological objectivity in the space of which the elimination of subjective factors is difficult.

Key words: globalistics, globalization, culture, civilization, scientific objectivity, principle of objectivity, Evandro Agazzi.

Поступила в редакцию 20.02.2026 г.

Волошин Владимир Викторович
Доктор философских наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», ДНР, РФ.
E-mail: v.v.don77f@bk.ru

Voloshin Vladimir Viktorovich
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
FSBEI HE "Donetsk State University",
DPR, Russian Federation.
E-mail: v.v.don77f@bk.ru